

В. Ю. АПРЫЩЕНКО

ТРАВМА УНИИ И ОПЫТ ЕЕ ИСТОРИЗАЦИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Среди многих парадоксов шотландской истории есть один, пожалуй, самый трудноразрешимый. Парламентская Уния 1707 года, в первой половине XVIII в. воспринятая шотландцами как народная трагедия и предательство аристократии, уже к концу столетия становится национальной гордостью и начинает осознаваться как неперемненное условие органичного развития северо-британского общества. А сами шотландцы из злейших врагов британской короны, с которыми Лондон боролся на протяжении первых пятидесяти лет после Унии, уже к концу столетия становятся символом могущества Британской империи. Удивителен не только сам факт подобной трансформации, но и скорость, с которой произошли эти изменения. В чем причины удачи и каков механизм такого проекта по трансформации идентичности?

О кризисе идентичности в Шотландии мы можем говорить, очевидно, уже применительно к XVII веку. Но столь же несомненно, что переломным событием в этом процессе стала Уния 1707 года. Подготовленная и принятая аристократией, она неоднозначно воспринималась, в первую очередь, самой этой аристократией. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, содержащие информацию о дебатах в шотландском парламенте и данные о голосовании, согласно которым «уния была принята скорее невяжкой, нежели одобрением», а также многочисленные нарративные памятники. Основная проблема заключалась в том, как примирить шотландский национальный миф о величии собственного исторического прошлого, о национальной свободе, которую отстаивали предки в битвах с англичанами, с теми заманчивыми перспективами, прежде всего, в экономической и социальной, военной сферах, которые сулило объединение с Англией.

Преодоление кризиса идентичности было связано с необходимостью трансформации сознания и формирования такого языка, и, шире, такой знаковой системы, в категориях которой можно было бы объяснить происходящие изменения. В результате длительного процесса сформировались и до сих пор существуют бинарные оппозиции, отражающие противоречивое отношение к процессу англо-шотландской интеграции, однако все они ориентированы не по вертикали, то есть имеют не диахронный, а синхронный характер, подчиняя тем самым прошлое настоящему и именно настоящее рассматривая как ту систему координат, в которой оценивается событие. Среди таких дихотомий наибольшее значение имели противопоставление «разума», фиксировавшего целесообразность упрочения англо-шотландских контактов, и «души», зовущей шотландцев в независимое прошлое; т.н. «изобретение традиции», которая должна была примирить прошлое и настоящее; и, в конечном счете, сама категория «юнионистский национализм», в которой националистические сантименты шотландцев могли быть наиболее полно реализованы лишь в союзе с Англией.

Удивительным образом эти противоречия преодолевались в процессе обработки прошлого, формируя новый нарратив, отвечающий потребностям времени. Шотландские интеллектуалы XVIII – начала XIX века, которым довелось жить в период наиболее драматической ломки идентичности, сочетая разум, воспетый идеологами Просвещения, и сердце, призывающее сохранить исконный шотландский дух, отыскивали ответы на волнующие их вопросы. Шотландское антикварное движение стало, таким образом, тем, что связало две эпохи – Просвещения и романтизма. Несмотря на более позднее, по сравнению с Англией, его появление, шотландских любителей древности роднит с их южными коллегами тот факт, что прошлое для них было средством объяснения настоящего. Делая предмет своих изысканий прошлое, они транслировали его в современную им Шотландию.

Если появление английской антикварной традиции было в определенной степени реакцией на восшествие Стюартов на престол, что являлось отражением системной трансформации английского общества в целом, то и шотландские антиквари в

такой же степени были современниками драматических и судьбоносных событий. В этой связи антикварное сознание, как форма исторического, является средством преодоления кризиса идентичности, его перевода из конфликтной в консенсусную стадию. Такой переход требует приложения определенных интеллектуальных усилий, сознательных, а, чаще неосознанных, которые в результате формируют новый тип мировосприятия.

Будучи современницей эпохи Просвещения, шотландская антикварная традиция в полной мере усвоила ее уроки. История человечества, согласно просветителям, представляет собой необратимый и неизбежный прогресс – прогресс морали, форм производства, закона и типов власти. Две черты феодального общества, как правило, становились объектами наиболее яростной критики со стороны просветителей – постоянная вражда феодалов друг с другом и аграрная экономика, не способная к развитию. Уния же 1707 года способствовала изживанию этих черт, приближая Шотландию к процветающему коммерческому обществу¹. Рождение Великобритании окончательно утвердило идею необходимости гражданской свободы и экономического развития посредством дефеодализации Шотландии. По мнению антикваров, этот процесс поступательного развития оставил множество следов, которые необходимо отыскивать и представлять в качестве свидетельств движения вперед.

В соответствии с просветительской парадигмой антикварами рассматривался и период шотландской истории, предшествовавший тем революционным переменам XVIII века, свидетелями которых они являлись. Эта оценка становилась своего рода концептуальной основой, в соответствии с которой подбирались и трактовались исторические материалы. Даже в подходе антикваров к отбору свидетельств прошлого отчетливо прослеживается их отношение к настоящему. Однако эта убежденность в необходимости следования принципам прогресса, который был принесен вхождением Шотландии в состав Великобритании, сталкивалась с верой в свое собственное прошлое. Это столкновение и порождало кризис идентичности, в условиях которого шотландские элиты, в первую оче-

¹ *Kidd C. Subverting Scotland's Past. Cambridge. 1993. P. 109-112*

редь, интеллектуальные, столкнулись с проблемой, как отстоять собственное культурное прошлое.

Осознавая себя одной из древнейших наций Европы, шотландцы уже в XVII в. реанимируют интерес к так называемому «свитку королей», насчитывавшему сотни поколений. Этот проект действительно имел успех, и в письме, посланном шотландскому парламенту в 1641 г., Карл I, согласно этому списку, называл себя сто восьмым монархом. Церковь тоже являлась активным участником этого процесса, поскольку шотландский пресвитерианизм ощущал зримую угрозу со стороны южного соседа. Результатом усилий в этом направлении становится утверждение, что шотландцы, обращенные в христианство во II веке при короле Доналде, уже тогда заложили основы пресвитерианской церкви, а епископы, появившись в V веке, узурпировали церковную власть².

Разрешить многочисленные культурно-исторические противоречия, возникшие в условиях кризиса шотландской идентичности, предстояло интеллектуалам, которым эти сложности были наиболее очевидны. Самым известным примером такого примирения является творчество Вальтера Скотта, преодолевшего раскол между сердцем, влекущим его в романтическое прошлое, и разумом, призывающим его в будущее, которое способна только обеспечить Англия. В своих художественных произведениях, публицистических выступлениях и, главным образом, в своей «Истории Шотландии», В. Скотт выступает как носитель «двойной шотландско-британской идентичности».

Однако Скотт, которого принято называть родоначальником шотландской «романтической революции», на этом пути не был первым. Среди многих факторов, оказавших влияние на формирование взглядов Скотта, помимо детства, проведенного в шотландском Приграничье, просветительских концепций социальных реалий рубежа XVIII–XIX вв., важное место занимали взгляды его предшественников и, в первую очередь, традиции антиквариев. Одним из представителей этого направления был сэр Джон Кларк Пенникуик.

² *Ash M. The Strange Death of Scottish History. Edinburgh, 1980. P. 30-31.*

Первая половина XVIII века в шотландской истории – это период национализма и антикварианизма, точнее, национализма, выступающего в форме антикварианизма, когда, в преддверии Просвещения, были сделаны попытки объяснить настоящее Шотландии, только что принявшей Унию, категориями прошлого. Впервые на эту особенность шотландского национализма, опиравшегося на антикварную традицию, обратил внимание Дэвид Дайчез, филолог по образованию, избравший объектом своего исследования эволюцию концепта свободы и национализма. Он пишет: «Принятие унии было поистине травмой для шотландского народа. Люди совершенно не представляли, что с ними произошло и кто они теперь. В этой атмосфере многие шотландцы обратились к шотландскому культурному прошлому, чувствуя себя там более комфортно и ощущая принадлежность к шотландской национальности»³.

Оппозиция унии привела к всплеску патриотизма, который принимал культурные формы; одной из них стало антикварное движение. Этот «культурный национализм» компенсировал потерю независимости, а в более длительной перспективе закладывал основы новой шотландской идентичности. И исторические, и литературные произведения того времени выполняли функцию консолидации общества на основе осознания величия прошлого шотландского народа.

Истоки традиции антиквариев восходят к работе Уильяма Кемдена, опубликовавшего в 1586 г. свою «Британию» (*Britannia*), которая выдержала несколько изданий на протяжении ближайших двух столетий и пользовалась огромной популярностью, в том числе и на севере. В издании 1696 года был сделан целый ряд вставок, автором которых стал первый шотландский антикварий Роберт Сиббалд, родившийся в 1641 г. в Эдинбурге. В 1682 г. он был назначен придворным физиком и географом при дворе Карла II и пожалован рыцарским званием за свою службу⁴. Сиббалд понимал историю не только как прошлое вещей и общества, слагающееся из источников, но и

³ *Daiches D.* Scholarship, Literature and Nationalism in 18th Century Scotland // *Literary Theory and Criticism: Festschrift presented to Rene Wellek.* Ed. by Joseph P. Strelka. 2 vol. Vol. 2. N.Y., 1984. P. 748.

⁴ *Ash M.* The Strange Death of Scottish History. P. 35.

как историю природы. Эти взгляды оказали непосредственное влияние на творчество его ученика Джона Кларка Пеникуика – одного из участников шотландского антикварного движения, с чьими идеями теперь связывается развитие основ рационального подхода к историописанию в Шотландии.

Джон Кларк Пеникуик родился в 1676 г. Его дед по отцовской линии разбогател лишь в середине XVII в., получив баронию Пеникуик, что в семи милях южнее Эдинбурга. В возрасте 16-ти лет Джон поступил в Университет Глазго, где в течение двух лет «без особого удовольствия» изучал логику и метафизику, после чего отправился в Лейденский университет, с которым к тому времени у шотландской студенческой молодежи установились прочные связи. Пребывание в Голландии, а затем путешествие по Европе, что было в традициях тогдашнего образования, оказало значительное влияние на формирование мировоззрения молодого человека. По возвращении в Шотландию в 1700 г. он становится членом самой влиятельной юридической организации Шотландии – Факультета Адвокатов. Будучи избранным в Парламент в 1702 г., он вошел в группу, объединяющуюся вокруг Куинсбери, который приходился кузеном покойной жене Джона Кларка, умершей при родах. Первый брак, окончившийся столь печально, завещал Пеникуику серьезные политические связи⁵. Годом позже он принял участие в подготовке грядущих преобразований, изучая степень готовности общественного мнения для осуществления Унии⁶.

В 1705 г., в период активизация торговли, в том числе и с Англией, он, будучи членом Совета по торговле и комиссионером группы, занимавшейся подготовкой унии, особое внимание уделял вопросу о возможных торговых и финансовых последствиях будущего соглашения. В то время в Шотландии не было более осведомленного в экономических вопросах

⁵ *Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union of Scotland and England.* Edinburgh, 1993. P. 2.

⁶ Среди шотландской элиты Уния рассматривалась в двух вариантах – федеративной и инкорпоративной. Большая часть парламентариев высказывалась за Унию-федерацию, позволявшую сохранить собственный Парламент и легислатуры, и получить при этом доступ на британский рынок.

страны эксперта, способного не только собирать сведения об уровне развития торговли и производства, но и анализировать динамику развития экономики в период до и после Унии.

Иными словами, Кларк не только был представителем того поколения, которое испытало на себе экономические и политические последствия унии, но и входил в число лиц, непосредственным образом повлиявших на ее подготовку.

В своих работах Пеникуик выступает уже как просветитель, говорит с рациональных позиций, и искренне верит в то, о чем пишет. Эта вера позволила ему уже в 1744 г., оглядываясь назад, написать: «Я чрезвычайно рад, что судьба сделала меня инструментом великого процветания этого Острова»⁷. Шотландия, которая ранее была «бедной старой матроной в отрепьях», после Унии стала «такой богатой и процветающей», какими оба королевства никогда ранее не были. Кроме того, большинство его работ, особенно, касающихся экономических вопросов, экспертом в которых себя считал сам Пеникуик, построены в виде своеобразного ответа тем скептикам, которые, аргументируя свою позицию патриотической риторикой и романтическими сантиментами, не желают видеть экономических благ унии для Шотландии.

Таким образом, Джон Кларк пытается рационально объяснить современные позиции Шотландии и ее связи с южным соседом, апеллируя к прошлому величию в контексте преодоления кризиса (и экономического, и идентичности), с которым народ столкнулся в период после унии. Этот подход характерен и для «Истории Унии Шотландии и Англии», написанной им через несколько лет на латинском языке и посвященной идее воссоздания Британского прошлого «от дней Юлия Цезаря до великого деяния наших дней». Другое аналогичное произведение «История Унии» (1709), автором которого стал современник Джона Кларка, Даниель Дефо – непосредственный свидетель подписания Акта Унии, рассматривает идею единения двух соседних королевств лишь начиная с правления Эдуарда I. Используя категорию “*De Imperio Britannico*”, автор подразу-

⁷ *Brown I. G. Modern Rome and Ancient Caledonia: the Union and the Politics of Scottish Culture // The History of Scottish Literature. 4 vols. Vol. 2. 1660–1800. Aberdeen, 1987. P. 36.*

меваает не «империю» в современном смысле этого слова, а скорее употребляет термин как синоним «доминиона», что подчеркивает главенствующую роль именно объединенного союза, в котором множество явлено в единстве, причем, по мнению Пенникуика, Британия исторически обречена (термин *fata Britannica*) на это единство суверенных множественностей⁸.

В этом проявляется и божественный промысел, и вера в прогресс, которые парадоксальным образом сочетались в деятельности Джона Кларка, что дает возможность отнести его к первым шотландским просветителям. Но хотя и в экономических работах, и в «Истории Унии» он выступает с рациональных и просветительских позиций, романтические сантименты были ему не чужды. Более этого, если экономические выгоды унии, хотя и не всегда легко, но поддавались рациональному объяснению, то как было примирить другое, более осязаемое противоречие, связанное с потерей древней шотландской свободы. Этому он посвящал другую часть своей жизни.

В 1720-х – 1950-х гг. он был признанным лидером и патроном шотландского искусства и наук, покровительствуя и поэту Алану Рамсею, и художнику Уильяму Айкману, и музыканту и антикварию Александру Гордону, и ученым Джеймсу Андерсону и Томасу Блэквулу, и братьям архитекторам Уильяму и Роберту Адамам, благодаря чьим усилиям Эдинбург обрел свое новое имперское лицо. Обладая не столь значительными материальными возможностями, он лишь в малой степени повысил свой социальный статус, но завоевал при этом прозвище «Северного Аполлона искусств». Джон Кларк в равной степени интересовался геологией, астрономией, химией и медициной, так же, как сельскохозяйственным производством и промышленным развитием, являясь при этом основателем и покровителем направления искусства, которое мы сегодня называем ландшафтный дизайн. Кроме того, был он и музыкантом, учеником Корелли, с которым встретился в Риме во время своего путешествия по Европе. Таким образом, известность среди современников он получил как меценат и творческая личность⁹.

⁸ *Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union of Scotland and England. Edinburgh, 1993. P. 8-9.*

⁹ *Brown I. G. Modern Rome and Ancient Caledonia... P. 35.*

Однако себя он считал в первую очередь антикварием. Кларк первым попытался объяснить противоречия истории государства, которого уже не существовало. Для него попытка примирить эти противоречия была не только вопросом содержания его творчества, но, в первую очередь, вопросом морали.

Антикварианизм Кларка наибольшее выражение находил в его археологической деятельности. Пеникуик считается пионером изучения римских древностей на территории Шотландии. Однако, живя прошлым, он рассматривал материальную культуру ушедших веков не просто как источник знаний о пребывании римлян на территории Британии. Для него это был образец культуры, на основании которого Джон Кларк строил свою политическую философию, которую условно можно обозначить как «полезный утилитарный антикварианизм»¹⁰. Иными словами, археологические памятники для него – это своеобразные моральные аргументы в пользу патриотических чувств. И в этом Кларк – парадоксальная фигура. Будучи сторонником унии и изучая римские древности, он пытался нарисовать рост и эволюцию древней Каледонии под влиянием Рима, и использовал эти аргументы для описания современной ему действительности. Занятия древнеримской историей, таким образом, способствовали постановке и ряда вопросов шотландской истории. Римское прошлое Каледонии, перенесенное в XVIII век, по мнению Кларка, решало проблему шотландской культуры и идентичности XVIII века. Он описывал преимущества меньшей нации, столкнувшейся с экономической, политической и интеллектуальной мощью Англии. И он желал совместить, казалось, несовместимые вещи – чтобы Шотландия стала частью более широкого мира, но в то же время сохранила свои исторические черты характера, независимую национальность, суверенное прошлое. Одновременно он был римлянином и каледонцем, северо-британцем и шотландцем. Для Джона Кларка уния являлась именно продуктом взаимного договора, осознанного выбора шотландцев, согласия между двумя частями королевства¹¹.

Изучая материальную культуру Римской Британии, Джон Кларк сталкивался с проблемой интерпретации архео-

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid. P. 36.

логических находок, и найденные древности говорили ему о величии каледонцев. Но это величественное прошлое вытекало как раз из метода интерпретации. Он хотел верить, например, что найденное им бронзовое оружие принадлежало разбитым каледонцами римлянам, а не местным племенам. Подобные находки пробуждали интерес к имперской истории и истории завоевания Британии Римом, и это была своеобразная дань шотландской древности¹². В этом подход Кларка принципиально отличался от оценки подобных находок его английскими коллегами, например, Роджером Гэйлом, который считал, что оружие, найденное близ римских укреплений, могло быть обронено или утеряно местными воинами во время атаки римского лагеря.

Александр Гордон, другой известный шотландский антикварий, определяя мечи, найденные на месте сражения у Бэннокберна, утверждал, что «стоит отбросить все сомнения по поводу [их] римского происхождения»¹³. Иными словами, патриотические настроения шотландских антиквариев не удовлетворялись констатацией побед над англичанами, необходимо было удревять историю каледонских побед.

Однако и Гордон, и Кларк, люди, получившие классическое образование, очень двойственно относились к римскому завоеванию. Им сложно было игнорировать тот факт, что, благодаря римлянам, на короткое время Шотландия стала частью обширного цивилизованного мира. К тому же эта проблема приобретала особое звучание в Шотландии их времени, поскольку они являлись современниками аналогичных процессов эволюции культуры, прогресса, но ценой этого прогресса являлась потеря независимости. И им ничего не оставалось делать, кроме как апеллировать к посмертной славе, к моральному единению с прошлым, оперируя при этом такими категориями, как «прародители», «предки», «Родина» – категориями, которые в Шотландии того времени неизменно ассоциировались с экспрессивными речами Лорда Белхавена и других противников Унии, воспевавших прошлое «нашей Древней Матери Каледонии». Но если Белхавен своей целью видел политическое поли-

¹² *Sir John Clerk of Penicuik*. Op. cit. P. 36.

¹³ *Brown I. G. Modern Rome and Ancient Caledonia...* P. 36.

тическую борьбу, то Кларк ареной борьбы избрал культурное прошлое Каледонии.

Нигде это двойственное отношение к шотландскому прошлому и, в частности, к римскому завоеванию не проявлялось столь резко, как в интерпретации истории Адрианова вала. Еще в 1739 г. Джон Кларк подготовил для Эдинбургского философского общества записку об Адриановом Вале, где обосновывал свой патриотический интерес к прошлому¹⁴.

Для Кларка центр конфликта между римской цивилизацией и каледонцами сосредотачивался именно на Адриановом валу¹⁵. С одной стороны, это был центр римской культуры, но с другой – центр войны свободолюбивых племен его родной земли, которые штурмовали римские укрепления. Как мог совместить эти две интерпретации римского вала человек, который принимал участие в создании унии 1707 года? И Джон Кларк приходит к выводу, что «вал был необходим, вал сделал из нас людей»¹⁶. «Он сделал для нас больше, чем все наши военные экспедиции вместе взятые»¹⁷. Причем интересно, что Кларк склонен считать Адрианов вал не столько «римским», сколько «варварским», каледонским, тем самым акцентируя внимание на собственном выборе каледонцев в пользу цивилизации.

Во всем этом сложно не заметить уважения к имперскому духу. Римское завоевание рассматривалось как несомненное благо, принесшее плоды цивилизации и обогатившее каледонскую культуру. Как член антикварного клуба Римских рыцарей, Кларк взял прозвище Агрикола, в честь римского полководца, завоевавшего Каледонию в 84 г., а его друг и соратник Александр Гордон взял имя Калгасуса – вождя каледонцев. Конечно, Гордон, известный своими националистическими настроениями, не занимал, в отличие от Кларка, пост Лорда Казначея, но выбор Пенникуика показателен. Как Агрикола, Кларк был чело-

¹⁴ Некоторое время спустя великий шотландский математик Колин Макларен озвучил общее впечатление шотландских интеллектуалов о представленном документе, который был прочитан «с соответствующим признанием... и удовольствием от патриотизма» (Ibidem).

¹⁵ *Sir John Clerk of Penicuik*. Op. cit. P. 38-39.

¹⁶ *Ash M.* The Strange Death of Scottish History. P. 36.

¹⁷ *Brown I. G.* Modern Rome and Ancient Caledonia... P. 37.

веком проримских симпатий, а в терминах XVIII века – северо-британецем. По его мнению, вместе Англия и Шотландия могли бы создать империю еще более великую, чем римская.

Кларк был шотландцем-патриотом, готовым подчинить свою «шотландскость» интересам «британскости». Рассуждая о римлянах в Британии, он использовал терминологию современного ему ганноверского государства, приходя к мысли о пользе для Шотландии союза с Англией. Однако, несмотря на рассуждения по поводу взаимных обязательств в рамках такого союза, Кларку, хорошо знакомому с экономическими реалиями своего времени, сложно было не признать превосходства Англии, и поэтому в англо-шотландских отношениях именно Англия играла роль Рима. Как и много веков назад, империя обеспечивала безопасность границ, распространяя свою культуру. В этом смысле Кларк был типичным британским антикварием. Как и многих других коллег, древности занимали его лишь постольку, поскольку помогали понять современные ему реалии¹⁸.

Не питая иллюзий по поводу разницы в уровне развития двух частей королевства, Кларк при этом считал, что Англия может и должна помочь Шотландии реализовать потенциал, заложенный в недрах самобытной шотландской культуры, носителем которого является своеобразный шотландский характер. Иными словами, патриотизм антиквария заключался в желании спасти шотландское культурное величие, а суверенная нация им понималась как носитель культурных стереотипов, образцов поведения и характера, причем залогом выживания этих культурных норм должен стать именно союз с Англией.

Хотя патриотизм Кларка, основанный на изучении римской археологии имел значительную эмоциональную и ностальгическую окраску, ничего не связывало его с якобитским движением, поскольку был достаточно осведомлен о горных районах страны, которые составили основную опору шотландским якобитам. События весны 1745 года, когда войска под командованием Кумберленда разбили при Каллодене якобитскую

¹⁸ Более подробно об этом см.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Рубежи антикварного сознания: история и современность в Раннестюартовской Англии // *Цепь времен: Проблемы исторического сознания /* Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005.

армию, а Красавчик Принц Чарльз бежал во Францию, на чем и закончилась «якобитская сага», были восприняты Джоном Кларком как освобождение Шотландии от пут, сдерживающих ее развитие. Парадокс! Но, будучи романтиком, он крайне критически относился к самой романтической странице шотландской истории. И в этом он был шотландцем нового поколения.

К моменту битвы при Каллодене Джону Кларку было уже 69 лет, он уже написал и «Историю Унии», и целый ряд трактатов. Большая часть его работ была известна лишь узкому кругу коллег или сослуживцев. Судьба отмерила ему еще десять лет, в которые он стал свидетелем очень странного процесса, который, на первый взгляд, должен был показать иллюзорность и идеалистичность мечтаний антиквара по поводу возможности сохранения шотландской культуры в рамках Британии.

В самом деле, в 1746-47 гг. в результате целого ряда актов Горная Шотландия, олицетворявшая шотландскую культуру в целом, подвергается насильственной «британизации» – процесс, получивший название «хайлендерских чисток», когда местному населению запрещалось под угрозой отправки на галеры носить оружие, пользоваться традиционной одеждой и волынками, иными словами уничтожалось все то, что составляло основу шотландской культуры. Но параллельно этому шел и другой процесс – процесс интеграции Хайленда в рыночную экономику Британии, и все большее число хайлендеров уходило на военную службу в колонии.

И в этот же период появляется то, что позже назовут феноменом двойной или концентрической идентичности. Большая часть шотландцев чувствовали себя одновременно и шотландцами, и британцами. Если Шотландия была провинцией, или нацией (шотландцы использовали оба термина), Англия, считали они, была другой провинцией или нацией. Будучи убежденными, что с Англией они объединились как с равным партнером, шотландцы очень редко соглашались с тем, что стали объектом управления, младшим партнером, ведомым более богатым и, возможно, более сильным южным соседом. Как написал Александр Веддербурн в «Эдинбургском Обзрении» в 1756 г.: «Северная Британия может быть описана как молодое государство, ведомое и поддерживаемое сильной

родственной страной»¹⁹. Именно эта мысль являлась лейтмотивом «Истории» Джона Кларка, отразившей трансформацию шотландской идентичности. Снова и снова возникал вопрос, требующий постоянных поисков ответа: «Кто такие шотландцы? В чем их отличие? Носит ли оно визуальный характер?» Тот же Юм, который много внимания уделял вопросу об особенностях шотландцев, писал, что не стоит извиняться за то, кем мы являемся, не стоит стремиться быть похожим на соседа, который хорошо говорит и пользуется при еде ножом²⁰.

Еще более ярким примером начавшейся трансформации идентичности является творчество Вальтера Скотта, родившегося через шестнадцать лет после смерти Джона Кларка. У Скотта, который не раз приезжал в дом потомков Кларка, сохранились очень теплые отношения с его семьей, особенно, внуком, Уильямом Кларком Элдином. И говоря о том, что образ Джонатана Олdboка, одного из героев «Антиквария», является «обобщенным портретом», Скотт, конечно же, не мог не иметь в виду и Кларка, а идея ценности римских древностей не раз будет появляться в его произведениях, в том числе в «Антикварии». Именно антикварная традиция стала основой, которая в условиях просветительского мировоззрения и «вызова» идентификационного кризиса, породила «ответ» в форме «романтической революции», реализованной Скоттом, который вместе с его современниками – писателями и журналистами, деятелями образования и историками, юристами и архивариусами – собирали и, переосмыслив, тиражировали шотландское прошлое.

В этом процессе были совмещены просветительские представления об исторических законах (основным из них являлся прогресс) и романтическая тоска по величественной шотландской истории. Две стороны работы с остатками прошлого – подбор и трактовка исторических источников – осуществлялись соответственно в русле двух традиций – просветительской и романтической. Уже в том, как скрупулезно и рационалистически шотландские любители древности подходили к отбору ис-

¹⁹ Edinburgh Review. 1755-1756. Preface.

²⁰ Smout T. C. Problems of Nationalism Identity and Improvement in later Eighteenth-Century Scotland // Improvement and Enlightenment. Ed. by T. M. Devine. Edinburgh, 1989. P. 7.

точников, говорит об их нескончаемой вере в прогресс человеческого общества, в неизбежно поступательный ход исторического развития. Но вынужденные выбирать между разумом, диктующим необходимость более плотной англо-шотландской унии, и сердцем, тоскующим по независимому шотландскому прошлому, современники и последователи В. Скотта находили выход в романтической трактовке исторических источников.

Вслед за Джоном Кларком, который тщательно подходил к самой процедуре отбора исторических материалов и делал первые попытки трактовки свидетельств прошлого, В. Скотт внедряет первые приемы рациональной критики источников. Однако, в то же время, необходимость создания нового образа шотландского прошлого в условиях активной интеграции в британские структуры вынуждает его заняться поиском «шотландской души», сохранившейся в балладах, легендах, предметах быта, верованиях, костюмах былых эпох. В результате благодаря Скотту и его последователям, был создан абсолютно уникальный образ шотландского прошлого, который сочетал в себе, казалось, несовместимые вещи – с одной стороны, любовь и уважение к величественной шотландской истории, а с другой – осознание того факта, что эта любовь может быть реализована лишь в союзе с Англией, обеспечившей шотландцам не только выход на колониальные рынки, но также позволявшей северо-британцам исповедовать собственную культуру и сохранившей целый ряд их собственных легислатур.

Несколько факторов оказали влияние на формирование мировоззрения Скотта. Важнейшими из них были детство, проведенное в шотландском Приграничье, антикварное движение, давшее основу подлинно научному, опирающемуся на изучение источников, подходу к шотландскому прошлому, и просветительские идеи.

Приграничное детство Скотта в Келсо, в нескольких милях от границы с Англией, оставило в его памяти многочисленные пограничные сказания, легенды, баллады. Тогда же он прочел впервые «Реликвии древней поэзии», написанные и опубликованные в 1765 г. епископом Перси. Все это со временем привело его к мысли стать собирателем и издателем шотландских преданий. В балладах выражались и динамизм, при-

сущий средневековому шотландскому обществу, и то, что оно порождало – набеги, убийства, перемирия и предательства, погони и шантаж. Шотландское Пограничье еще и в XIX в. было социумом, основанном на родстве, с его законами, кровной мезтью и другими институтами традиционного общества. Именно там Скотт впервые нашел свой исторический мир. Вместе со своим другом Робертом Шортридом он отправился на поиски сказаний. Сначала они путешествовали пешком, перебираясь от хижин к хижине по шотландским долинам, потом наняли экипаж, на котором переезжали из одной деревни в другую. Коллекционируя пограничные баллады, Скотт впервые выступает как антикварий и антрополог, он знакомится не только с этими преданиями – перед ним открывается целый мир, произведший эти памятники прошлого. Но, записывая эти остатки старины, Скотт не просто механически фиксировал полученную информацию, он вносил в нее свое поэтическое понимание человека рубежа XVIII–XIX вв., времени успешно развивающейся шотландской модернизации. Эта деятельность Скотта стала первым шагом на пути к произведенной им шотландской романтической революции в историописании²¹. Несомненно, оказала на него влияние и деятельность предшественников, таких, как Джон Кларк или Уильям Кемден с его «Британией», содержавшей помимо стихов, материалы о развитии языка, подборки поговорок, описание имен. На то время это был один из основополагающих трудов в области исторического исследования языка и фольклора.

Коллекционируя баллады, эти свидетельства минувшей эпохи, В. Скотт не единожды должен был возвращаться к вопросу, который занимал умы наиболее просвещенных шотландцев – что есть прогресс, какова его природа и природа экономического роста, а также каковы должны быть социальные и культурные процессы, сопровождающие модернизацию. Иными словами, вопрос о том, что модернизация оставит будущим поколениям, был одним из существенных. В 1819 г. в «Эдинбургском Обозрении» В. Скотт пишет ряд сатирических статей по поводу готовящейся парламентской реформы, из-

²¹ *Ash M. The Strange Death of Scottish History. P. 39.*

данных под общим названием «Мечтатель»²². Их центральным образом является капризный и придурковатый архитектор – мистер Витрувиус Вигхам, который, задумав построить новую абсолютно вульгарную и неэстетичную мансарду, разрушает элегантную и симметричную старую готическую крепость. Причем он старается убедить народ в необходимости этих изменений. Итогом этих преобразований становится кровавая гражданская война сторонников и противников старого замка, в результате которой Шотландия превращается в «страну Радикалов», где уничтожается частная собственность, происходят необратимые социальные перемены, общество постепенно опускается до анархии и варварства, а люди возвращаются к племенному образу жизни. И, наконец, вслед за этим начинается последний этап, на котором политический демагог Боб Баблекус убеждает народ, что настала пора демократической политической системы, в которой все, включая женщин и детей, будут обладать политическими правами. Страна в это время парализована бесконечными митингами, предвыборными кампаниями, сопровождающимися коррупцией²³.

Даже не касаясь политической подоплеки событий и отношения к ним Скотта, стоит обратить внимание на тот образ, который используется – старая готическая крепость. Именно в таких остатках прошлого, по мнению Скотта и других современных ему любителей старины, сохраняется само прошлое. Будучи убежденным тори и лелея героическое шотландское прошлое, патриархальные пейзажи и многовековую культуру своей страны, он не мог без боли смотреть на то, как она разрушается, исчезая под натиском британской модернизации. Но, искренне любя свою Шотландию, Скотт столь же отчетливо понимал, что ее процветание отныне связано с Англией. Воспетая им Каледония с ее пурпурными холмами, королями долин, мистическими озерами и бравыми хайлендерами отныне превращалась в Северную Британию, в которой процветание отдельных частей зависело от благосостояния целого. Отсюда проистекал и особый взгляд на шотландское прошлое.

²² Fontana B. Rethinking the Politics of Commercial Society: Edinburgh Review 1802–1832. Cambridge, 1985. P. 165.

²³ Ibid. P. 166.

В своих поисках и коллекционировании Скотт опирался на сложившуюся антикварную традицию. Еще раз подчеркнем – европейский и, в частности, британский антикварианизм был не просто движением, изучающим прошлое. Это была попытка найти объяснение многим проблемам, с которыми интеллектуалы сталкивались в быстро меняющемся мире, часто – попытка найти в нем собственное место, определить свою идентичность. Примирить шотландское и британское было основной задачей любителей древностей на севере Британии, реализованной в форме романтического интереса к шотландскому прошлому. Те факты шотландской истории, которые могли трактоваться как сопротивление прогрессу, необходимо было нейтрализовать, санировать, превратить в романтические и безобидные эпизоды.

Одним из таких событий прошлого являлось якобитское движение, в 1740-е гг. представлявшее реальную угрозу существованию самой британской монархии. В том, как В. Скотт операционализирует шотландский якобитизм, вписывая его в контекст не только шотландской, но и британской истории, отчетливо проявляется уникальное соотношение в его представлениях локального и универсального британского патриотизма. И сложно различить какой из этих уровней является для Скотта национальным. Его якобитизм – это не просто потерянный, упущенный шанс, но явление, базирующееся скорее на эмоциях, нежели реальности. Якобиты под пером Скотта, как и в произведениях Р. Бернса или Р. Л. Стивенсона, не находят себе места в измененном мире второй половины XVIII века.

Бернс, симпатизируя якобитизму, сам того не сознавая, помог тем, кто желал восстановить представление о нем, как о замечательном, уникальном явлении, но феномене не политическом, а, скорее, культурном. Якобитская традиция с ее гэльской культурной основой, благодаря Бернсу и Скотту, становилась сердцем шотландской национальной идентичности. Шотландия начала ощущать себя вновь кельтской страной, чему способствовал именно «якобитский миф». Но эти кельтицизмы, отзывавшиеся эхом во всей культуре, реализовывались не напрямую, а посредством символов (например, тартаномии), которые сепарировали новую шотландскую идентичность и от политической борьбы XVIII столетия, и от трагедии «улучше-

ний», которую переживал Хайленд в XIX веке. Увлечение кельтицизмами, начавшееся задолго до XIX века, когда культура романтизма принесла поголовную моду на «готику», является свидетельством романтизации прошлого, насыщения его мифами, а сопровождает процесс создания новых мифов.

По словам М. Питтока, на рубеже XVIII-XIX вв. шотландский патриотизм остался в детском возрасте, а британский вырос²⁴. Эта «детскость», в которой выражалась шотландскость, являла себя как в мелочной страсти ко всем вещам, связанным с шотландским прошлым, так и в стремлении к подлинно научному подходу к его изучению. Шотландский патриотизм стал своего рода эмоциональным, если угодно, примитивным вариантом идентичности, основу для которого подбирали антиквары, в то время как британский был представлен рациональной ее разновидностью. Именно благодаря Скотту шотландский национализм стал видеться как старомодное явление, потерявшее ориентацию и потому исчезающее. Причем в формировании своего взгляда писатель исходит как раз из шотландских, а не английских реалий и интересов. По его мнению, шотландцы – это разделенная нация. И хотя это разделение на кельтов и скоттов носит скорее расовый характер, его следствием является политический конфликт, а потому уния 1707 года – необходимое явление не только в отношении объединения Англии и Шотландии, но и в плане воссоединения самих шотландцев. Парадокс, но, будучи тори, Скотт заложил основы и принадлежал, скорее, вигской школе историописания.

Манифестом тартаномании, основанной на принятии символов прошлого в качестве самого прошлого, стал визит Георга IV в Шотландию в 1822 г., в ходе которого было продемонстрировано, что, с одной стороны, дух шотландцев, их культура сохранились в форме собранных и хранимых частичек истории, а с другой, это минувшее уже не является угрозой Британии. «Когда новость о королевском визите стала известна, – писала Элизабет Грант, – вся страна словно сошла с ума, и все устремились в Эдинбург, чтобы увидеть его»²⁵.

²⁴ *Pittock M. The Invention of Scotland: the Stuart myth and the Scottish Identity, 1638 to the present. L. 1991. P. 85.*

²⁵ Цит. по: *Prebble J. The King's Jaunt. Edinburgh, 1988. P. 79.*

К этому времени в Хайленде были еще живы люди, помнившие запах пушек Каллодена – последнего крупного сражения между англичанами и шотландцами, люди, принимавшие непосредственное участие в битве. Один из них, 109-летний Патрик Грант, сражался в рядах клана МакДоналдов Гленгари и был тем, кто оттолкнул лодку с принцем Чарльзом, который спасаясь, направлялся во Францию от шотландского берега. Проведя несколько следующих за сражением месяцев среди холмов Хайленда в компании Флоры Макдоналд и получив уже прозвище «верескового принца», он бежал во Францию, чтобы больше никогда не вернуться на шотландскую землю. В 1766 г., после смерти отца, он стал уже не претендентом, а монархом в глазах своих сторонников, но постепенно спился и умер в Риме в 1788 г. Однако для шотландцев, чья память оберегалась их историками-антикварами, принц навсегда остался Красавчиком Чарли, и эта память хранилась как воспоминание о героическом и трагическом прошлом Шотландии.

Мастером церемонии приема монарха Лордом-Провост Эдинбурга Уильям Арбутнот назначил Вальтера Скотта, и мало на севере нашлось бы людей, которые желали этого визита больше, чем сам писатель.

Проскрипционный акт, последовавший сразу вслед за подавлением восстания 1745 г., предусматривал обязательство никогда не использовать тартан, плед или другие части хайлендерской амуниции. В случае нарушения этого закона, ослушник мог быть разлучен со своей семьей и в качестве наказания отправлен на войну как клятвопреступник. Теперь же в ходе подготовки к приезду монарха была создана комиссия, в задачу которой входило составить полный комплект хайлендерской одежды для всей делегации, в том числе и для короля. В итоге костюмы обошлись в 1354 фунта, а Хайлендерское общество Эдинбурга объявило отныне своей целью защиту и «развитие использования древней Хайлендерской одежды».

Был образован комитет по подготовке визита, одной из самых ярких фигур которого был Дэвид Стюарт Гарт – антиквар, энтузиаст, собиратель фольклора и знаток хайлендерской истории и гэльской культуры. «Король едет! Люди и оружие – вот лучшее, что мы можем показать ему», – эти слова, обра-

щенные к хайлендерским вождям в ходе подготовке визита, знаменовали новую эру в отношениях Лондона и Эдинбурга.

Вскоре после того, как стало известно о приезде короля, начались работы по реставрации Холирудского замка – древней резиденции шотландских королей. Большой зал здания старого парламента на Хай Стрит, последнее заседание в котором ратифицировало унию 1707 года, был также отреставрирован и украшен картинами, привезенными из Холируда и древним оружием горцев. Прошлое возвращалось в форме его символов.

В Эдинбург съезжались представители магистратов городов Шотландии, город был «полон людей, способных незначительное сделать могущественным, и великое мелким»²⁶. Английские журналы слали на север своих представителей.

Визит начался 13 августа. Навстречу королевской яхте был выслан баркас, в котором находились Роберт Пиль и Вальтер Скотт. Первыми словами Георга были: «Неужели! Сэр Вальтер Скотт! Шотландец, которого я более всего хочу видеть!».

20 августа шотландская «Скотсмен» написала, что короля теперь можно называть «Джордж Патриотический», и, по мнению монарха, «теперь мы все якобиты». Своим визитом он поселил Империю в сердцах шотландцев, многие из которых все еще не верили в те блага, которые им сулило единение с Англией. Шотландия и ее культура теперь не угрожали Британии, иначе сложно объяснить, почему монарх был одет в экзотический для него шотландский килт, как и его приближенные, например, сэр Уильям Кертис. Подобное уважительное отношение к культуре Хайленда было для шотландцев и неожиданным, и приятным. В. Скотт сопровождал монарха во время его прогулки от Холирудского дворца до Эдинбургской крепости, давая свои комментарии, в то время как тысячи восторженных шотландцев, приветствовали короля, высунувшись из окон домов, расположенных по обе стороны Хай Стрит. «Его Величество теперь может быть доволен тем, что ему продемонстрировано: в Шотландии люди всех классов действительно лояльны», – написала «Скотсмен» в один из дней визита²⁷.

²⁶ Ibid. P. 206.

²⁷ Prebble J. The King's Jaunt. P. 223.

Вечером за ужином было произнесено сорок семь тостов – за Британскую Конституцию и за Лорда Президента Судебной Сессии, за «наши странные отличия от Англии», за покойного Лорда Нельсона, за Герцога Веллингтона (гост сопровождался музыкой «Посмотри на этого Героя Завоевателя»), за мистера Роберта Пиля, за город Лондон и сэра Уильяма Кертиса, в честь памяти мистера Питта, за автора «Уэверли», за Вождя Вождей – Короля, за цветы города Эдинбурга, и опять за короля, но уже как барона Ренфрю, за здоровье графа Атолла и за Национальный Монумент. Атолл был тронут и в ответном тосте признался, что он считает себя шотландцем и по рождению, и по образу мыслей, и искренне и тепло любит Шотландию, при этом, выразив надежду, что Национальный Монумент, закладка камня в основание которого должна была состояться на следующий день, станет символом этой любви. Задолго до того, как был произнесен последний тост, король покинул банкет, сопровождаемый звуками музыки и хора. После его ухода Аласдар Ранолдсон Макдоннел Гленгари, одной ногой стоя в своем кресле, другой – на столе, украшенном в хайлендерском стиле, произнес тост на гэльском – за здоровье его Величества – короля Островов. Он вызвался произнести тост сам, в нарушение протокола, но речь была встречена с энтузиазмом и восторгом.

Королевский визит Георга IV был не просто политическим шагом, и он не мог не оставить следов. После его завершения Шотландия не была уже прежней провинцией Британии, «бедной старой матроной в лохмотьях». Шотландцы почувствовали свою значимость для империи и то, что отныне их культура не будет подвергаться истреблению, а история – осмеянию. Они чувствовали гордость за свое великое прошлое, но оно нуждалось в переосмыслении, осуществлявшемся в процессе формирования шотландской исторической традиции.

Письменная традиция, как часть исторического прошлого, была очень важна для антикварного движения, не случайно самой большой ценностью и сердцем коллекции сэра Олдбока в скоттовском «Антиквариуме» являются книги, собиранию которых шотландскими любителями старины отводилась особая роль. Происхождение шотландцев, взаимоотношения пиктов, кельтов, римлян являлись наиболее острыми вопросами. Заро-

ждение систематического интереса к кельтской проблематике относится к самому началу XVIII века – времени, когда волна англоизации все более охватывала Шотландию. В это время Эдвард Лхуид, музейный хранитель из Оксфорда, издал свою «Британскую археологию», в которой предпринял попытку сравнительного изучения кельтского языка и народа. Однако труд остался незамеченным, а поистине бесценное собрание гэльских материалов, фольклора, большей частью собранного на севере Шотландии, была утеряна. Затем в 1724–1737 гг. в четырех объемных томах вышел сборник традиционных гэльских песен и баллад, собранных и обработанных Аланом Рамсеем, который в предисловии к первому тому писал, что когда добрые старые барды создавали свои песни, шотландский народ еще не использовал импортной одежды и иностранной вышивки. Поэзия этих певцов, по его мнению, была продуктом их собственной земли, который не подвергся иностранной обработке, а образы этих песен являются родными, «списанными с наших полей и лугов, которые мы видим каждый день». Конфликт «родного» и «импортного», пожалуй, впервые в столь острой форме появился именно у Рамсея, а затем вдохновил и Макферсона, чье представление о древней Шотландии, опираясь на антикварную традицию, все же отличается от патристических призывных якобитских песен. Макферсон с его искренней верой в просветительские идеалы действительно являлся идеологом примитивизма, но такого, который способствовал открытию гэльской культуры цивилизованной Европе.

Стремясь отыскать и сохранять былое, шотландцы строили и создавали новое знаковое поле своей современной культуры. В этой связи не удивительно, что центром шотландской романтической революции, основу которой заложил В. Скотт, был не овеянный легендами Старый город Эдинбурга, с его узкими, мощенными камнем улочками, древними зданиями из посеревшего, но сохранившего прочность камня, – город, который хранил историю борьбы против унии, – а классические широкие улицы и светлые площади Нового города. Сердце шотландского прошлого было перемещено в суровые геометрические пропорции Дворца Записей – первого здания, воздвигнутого в классическом Новом городе.

Здание было задумано как хранилище национального архива, включающего не только государственные документы, такие как королевские грамоты, парламентские записи и указы, но также правовые документы, подтверждающие, например, движение земельной собственности или фиксирующие клановые истории и события «эпохи набегов» в Хайленде. Накануне кромвелевского вторжения в Эдинбург, многие архивные документы были перевезены из хранилища в Стирлингский замок, чтобы обеспечить сохранность, которую не могла гарантировать столица, подвергшаяся английскому завоеванию. Но когда Стирлинг был взят войсками Кромвеля, большую часть архивов, олицетворявших шотландское прошлое, переправили в Лондон, а некоторые бумаги разошлись по частным коллекциям. Записи Тайной печати исчезли где-то в Хайленде и были восстановлены национальным архивом только в 1707 г. В 1660 г. восемьдесят пять томов грамот погибли в море во время возвращения их из Лондона в Шотландию, и в 1662 г. шотландский парламент приказал перевести Записи Судебной сессии в здание, где заседали депутаты. В Эдинбургской крепости осталась только часть парламентских документов, материалы Большой Печати и другие бумаги, связанные с деятельностью короны и правительства. Но позже даже эти документы были переведены в парламентское здание, что вскоре стало настоящей проблемой. Многие акты хранились на территории Старого города, часть из них – в домах, квартиры которых сдавались внаем, и исторические реликвии часто были отделены лишь деревянной перегородкой от жилых помещений. Другие хранилища вообще представляли собой «часть кухни, в которой жила семья, и вода часто попадала на документы». Еще одна часть коллекции находилась в Старом колледже, мало приспособленном для хранения исторических реликвий.

Было очевидно, что необходимо новое хранилище для государственного архива, и в самом начале 1722 года городской совет Эдинбурга инициировал акт парламента, согласно которому каждая пинта пива и эля облагалась дополнительными двумя пенсами, должными пойти на нужды «строительства Здания или удобного помещения для хранения Записей, находящихся в ведении Лорда-клерка регистраций записей Шотлан-

дии». Правда, подобный источник поступления денег оказался ненадежным. И после восстания 1745 года был найден новый – деньги стали поступать от конфискованных поместий участников якобитского движения. Это была поистине символическая трансформация, когда последствия политического протеста были направлены на воссоздание и сохранение культуры, которую отстаивали бунтовщики. Курировал строительство сам Лорд-клерк регистрации, которым в 1768 г. был назначен Лорд Фредерик Кемпбелл, сын Четвертого графа Аргайла. Работы были закончены в 1788 г., и это было первое в Британии каменное здание, которое строилось специально для хранения архива. Перевоз документов в него завершился к 1791 году.

Рос статус и самого Лорда-клерка регистрации, который нес ответственность за все письменные документы, исходящие от королевского имени, и являлся хранителем важнейших государственных бумаг. Коллекционирование и хранение свидетельств прошлого становится государственным занятием, однако частные антикварные коллекции составляли значительную часть фондов, а антиквары-любители продолжали свою деятельность. В подчинении Лорда-клерка, ведавшего архивами, находились Александр и Уильям Робертсоны, а с 1780-х гг. и два сына Уильяма. Но Лорд-клерк не только отвечал за хранение документов, он еще стремился к тому, чтобы публиковать некоторые из них. Офис его, открытый впервые в 1707 г., находился в Эдинбургской крепости, и там он проводил работу по отысканию ранних парламентских записей Шотландии. Часть материалов были найдены в Лондоне и перевезены в Эдинбург.

Направленные на поиск новых бумаг братья Робертсоны нашли интересные документы, однако вставал вопрос о финансовой поддержке их публикации. В 1799 г. было достигнуто соглашение о том, что общество писателей будет финансировать публикацию записей Шотландского парламента и Тайного совета, но впоследствии их издание перешло в ведение только что возникшей комиссии, в основании которой принимала участие королевская семья. Первая серия должна была состоять из 15-ти томов. Первый том Парламентских записей Шотландии под редакцией Уильяма Робертсона и его сыновей был подготовлен в 1803 г. Но комиссия Записей, по поручению которой

адвокат Томас Томпсон составил отчет о содержании и качестве информации, считала, что необходима переработка издания, на что ушло еще несколько лет. За это время умер Уильям Робертсон, чья вдова полагала, что это работа над томом убила его и одного из их сыновей. Несмотря на критические замечания, Томпсон считал, что работа над изданием должна продолжаться, и в 1806 г. он был назначен новым клерком регистрации.

Будучи знакомым с Лордом Хайлисом, Томпсон давно интересовался феодальным шотландским правом. Именно тогда он впервые встретился со Скоттом, с которым они вместе стали изучать немецкий язык, чтобы читать немецких романтиков. В тот же период он стал собирать и правовые документы, выискивая их в архивах и частных коллекциях антикваров-любителей. Много важных источников, включая коллекцию средневековых шотландских законов, было открыто в Берне в 1814 г., аналогичное собрание было привезено школьным учителем из Айра в 1824 г. Еще одним источником документов стали частные архивы шотландских юристов. Так начала формироваться коллекция шотландских правовых актов.

Но тут появилась новая проблема. Оказалось, что в Шотландии нет ни одного специалиста, который мог бы провести экспертизу подлинности документов. Тогда из Англии была привезена некая леди – мисс Уэйр, которая на протяжении трех или четырех лет работала с документами по своей собственной методике. Многие из томов были отвергнуты ею как фальшивые. В частности, Регистр Большой печати, привезенный из России и предлагаемый за крайне высокую цену, был признан фальшивым, хотя кожа его переплета была специально состарена и повреждена. В период между 1807 и 1816 гг. из 12 тысяч томов, хранящихся в Доме Записей, шесть с половиной тысяч были признаны подделками, не говоря уже о том, что было обнаружено около тридцати тысяч более поздних интерполяций.

Еще одно направление работы Томпсона заключалось в обеспечении доступа к этим материалам. Был составлен каталог источников, а в 1830 г. открыто специальное помещение, где с ними можно было работать. Правда свободный доступ позволялся лишь к очень ограниченному числу документов, большая же их часть была закрыта. И только в 1847 г., уже

после Томпсона, доступ к архивам был значительно расширен, и в 1848 г. с ними работало десять исследователей.

Продолжалась работа и по изданию источников, прежде всего по публикации парламентских актов Шотландии. Правда, из-за финансовых сложностей с изданием, Томпсону пришлось приостановить работу. И хотя впоследствии его друг и ученик Космо Иннес предлагал продолжить работу, Томпсон наложил табу на подобные разговоры, считая, что это перевернутая страница его жизни.

Еще в январе 1823 г. В. Скотт написал своему другу Роберту Питскарну: «Я долго думал, что подобие общества библиоманов может быть создано у нас для обсуждения издаваемых работ. Несколько человек, как я думаю, могли бы стать его членами, и этого достаточно. Что ты думаешь по этому поводу?»²⁸. «Общество библиоманов» стало Баннатайн-клубом – первым и наиболее примечательным объединением антиквариев, которое издавало исторические материалы. Таким образом, была заложена основа слияния антикварной и издательской деятельности. Со временем сложилось ядро клуба в составе Скотта, Кобурна, Джона Кларка, Уильяма Адама, Патрика Фрезера Тайтлера и Джеймса Балантайна. В 1827 г. число его членов достигло ста, среди них было множество людей самых разных политических взглядов.

На волне романтизации шотландского прошлого приобретает особую моду такое направление антикварной деятельности как коллекционирование книг. В 1809 г. Томас Дибдин издает книгу о книжных коллекциях «Библиомания», выход которой стал результатом возросшего интереса к средневековой истории. Одним из сообществ, на долю которых выпало издание множества редких книг, стал Роксбурн-клуб, созданный по инициативе Дибдина. Среди многочисленных других клубов выделяется, например, Мэйтланд Клуб, основанный в Глазго и включавший в основном юристов. Еще один Айона клуб, основанный в 1833 г., своей целью ставил изучение и издание материалов, касающихся отдельных частей Шотландии, главным образом Хайленда – его «истории, древностей и

²⁸ *Ash M. The Strange Death of Scottish History. P. 59.*

литературы, обычаев, характера его обитателей»²⁹. Клуб был основан У. Скене – сыном близкого дуга В. Скотта Дж. Скене.

В конце 1830-х гг. появляется новая тенденция в развитии шотландского клубного движения, начало которой положило создание в Абердине Камден-клуба в 1838 г. и Спалдинг-клуба в 1839 г. Началась эра массовых клубов. В первый же год число членов Камден-клуба достигло тысячи человек, членство в Спалдинг клубе было ограничено сначала 300, потом – 500 чел. Взнос составлял всего один фунт в год. Около 70% членов клуба были местными жителями, другие приезжали в Абердин, часто, из Ливерпуля. Публикации оплачивались из клубных денег, но иногда были отдельные спонсоры, например, президент Спалдинг-клуба, граф Абердин, неоднократно выступал в качестве спонсора. Среди изданий клуба значительное место занимали источники по истории города Абердина, что стало показателем развития «локального патриотизма», которому были чужды социальные рамки – среди членов клуба были, как знать и джентри, составлявшие 30%, профессионалы и торговцы – 49%, так и владельцы мануфактур, книготорговцы, горожане – 21%³⁰. Интерес к прошлому охватывал все слои. В середине века стал очевиден кризис клубного движения, но оно уже сыграло свою историческую роль: был выработан целый ряд символов шотландского прошлого, которые разделялись большинством шотландцев.

В июле того же 1823 г., когда было положено начало клубному движению, Патрик Фрейзер Тайтлер и Александр Прингл Уайтбанк гостили в графстве Роксбурн в доме Вальтера Скотта. Оба были близкими друзьями писателя. За ужином хозяин предложил Тайтлеру взяться за написание истории Шотландии, необходимость которой не давала покоя Скотту уже в течение нескольких лет. В 1816 г. он сам составил обзор бумаг Каллодена для «Квартального Обзорения», которое, как он планировал, станет частью введения к общей истории Шотландии, основанной на материалах, создаваемых писателем для своих детей. Друзья и коллеги Скотта по-разному от-

²⁹ *Collectanea de Rebus Albanicis*. Ed. by Iona club. Edinburgh, 1889.

³⁰ *Ash M. The Strange Death of Scottish History*. P. 82.

носились к этой идее, особенно, когда работа была уже в стадии завершения. Томпсон писал Фрэнсису Хорнеру: «Вальтер Скотт согласился написать популярную историю Шотландии с ранних времен до 1745 г. в четырех или пяти томах и завершить работу к следующему рождеству. Это будет очень забавная книга. Не сомневаюсь, в ней будет множество ошибок и неверных толкований..., но я также не сомневаюсь, что эта книга станет любимой книгой этого столетия в Шотландии... Не будучи собственно хорошей историей, она прославится, как коллекция замечательных картинок и характеров с незначительной их связью с [реальным] историческим контекстом»³¹. В ответ Хорнер написал, что, несмотря на абсурдность предполагаемой книги, Скотт окажет огромную услугу своей Родине, поскольку этим проектом он свяжет людей и страну³². Однако, намерения Скотта были куда серьезнее, чем создать просто коллекцию занимательных рассказов. С этим предложением, обещая всяческую поддержку и содействие, он и обратился к Патрику Фрейзеру Тайтлеру, поскольку ему казалось, что сам он не осилит подобный проект.

Эта встреча и сама идея создания общей истории Шотландии знаменует собой момент формирования профессиональной шотландской историографии, что, казалось, должно было уничтожить антикварную традицию, поскольку та уже не соответствовала сложившемуся уровню историописания. Тем не менее, идеи и методы антиквариев продолжали оказывать заметное влияние на формирующуюся профессиональную историографию. Несмотря на амбициозные намерения, «История» Патрика Тайтлера, как и написанные Скоттом «Рассказы деда. История Шотландии...»³³, являются, по существу, собранием замечательных эпизодов из шотландского прошлого. Подбор и анализ этих событий осуществлялся, во-первых, в соответствии с просветительскими представлениями о прогрессе, а, во-вторых, с использованием формирующихся методов критического анализа источников, но сам подход, ос-

³¹ Memoir of Thomas Thomson. Edinburgh, 1854. P. 155-156.

³² Ibid. P. 156.

³³ *Sir W. Scott. The Tales of Grandfather: being the History of Scotland from the earliest period to the close of Rebellion 1745-46. L., 1925.*

нованный на идее, что ценно не само прошлое, а остатки былого, призванные выразить его дух (дань романтизму!), был характерен для антикварного сознания.

Первым историческим сочинением Патрика Фрейзера Тайтлера, так никогда и не опубликованным, стало исследование феодального шотландского права – работа, которую он начал, еще будучи студентом в 1811 г., и завершил в 1817 г. Особенностью сочинения является релятивистский взгляд на природу феодализма, заимствованный, очевидно, из работ Монтескье и шотландских социальных философов.

Зарождение систематического интереса к истории Шотландии у Тайтлера относится к 1820-м годам, когда он занимался сбором материалов, связанных с жизнью Уильяма Уоллеса. Выгодный брак обеспечил Тайтлеру финансовую независимость, в новом доме в самом центре Нового города Эдинбурга увидел свет первый том «Истории Шотландии». «Я начал историю Шотландии с правления Александра III, потому что именно в этот период появляются национальные анналы, материал которых может быть интересен массовому читателю. В период правления этого монарха, Англия впервые предприняла попытку вторжения в пределы своей сестры-соседки... При подготовке настоящей работы, я использовал соответствующие источники информации, которые открывают читателю истинную картину истории без прикрас и купюр». Но несколькими строками ниже он говорит, что сохраняет авторское право на трактовку событий и надеется, что читатели не будут его упрекать за это³⁴. Первые два тома включали период древнего шотландского королевства вплоть до Дэвида II.

Скотт пишет рецензию, в которой упрекает Тайтлера в излишней приверженности к идеям его предшественников и, в частности, вига – Лорда Хайлиса, чьи мысли в значительной степени заимствовал Тайтлер. Сам Скотт в 1829 г. все же выпускает свою «Историю Шотландии», в ответ на которую Тайтлер пишет рецензию и говорит о недостаточно критичном отношении Скотта (он «не посчитал необходимым проверять используемые им документы») к источникам. Как бы то ни бы-

³⁴ *Tytler P. F. History of Scotland. Edinburgh, 1845.*

ло, тайтлеровский ответ Скотту означал поворотную точку в его жизни, и следующие несколько лет оказались для него крайне сложными и несчастливими. Постоянным стремлением было закончить «мою историю», ради этого он пожертвовал многим и, в конце концов, своим здоровьем.

Проблема, с которой постоянно сталкивался Тайтлер, заключалась в сложности получения доступа к источникам, что означало угрозу его «Истории». Между тем, он был убежден, что история может писать только по оригинальным документам. Во второй половине 1830-х гг. он работал над периодом Джеймса (Якова) V, Марии и Джеймса VI, что, по его мнению, было наиболее важной и сложной частью исследования, и здесь как никогда важны были оригинальные источники.

В июле 1840 г. был опубликован седьмой том «Истории». Шотландское «Квартальное обозрение», которое редактировал зять Скотта, написало, что «История» на долгое время станет стандартом шотландского историописания, а «Реформаторская газета» Глазго назвала работу так: «гораздо более чем просто важная историческая работа нашей страны и нашего времени», а позже рекомендовала ее «каждому шотландцу, которому небезынтересна история его страны»³⁵. В конце 1843 г. работа была близка к завершению. «Мне осталось только убить Елизавету и посадить доброго Короля Джеймса на трон старой леди и завершить... Историю вообще». Сестра Тайтлера записала в своем дневнике: «Вчера вечером [25 октября 1843 г.] мой брат закончил свою историю Шотландии. За чаем он выглядел излишне задумчивым и забыл попросить свою обычную третью чашку чая. Затем отправился в библиотеку и стоял за своим высоким столом в течение некоторого времени и потом, вернувшись в столовую, сообщил об окончании книги»³⁶.

Тайтлеровская «История Шотландии» стала одним из примеров того, как в условиях потери политической независимости делались попытки отстоять культурную самобытность, иными словами, сформировать новую идентичность. Сам подход, который использовался Тайтлером, сложно назвать науч-

³⁵ Ibid. P. 116.

³⁶ *Burton J.W.* The Portrait of a Christian Gentleman, a memoir of Patrick Fraser Tytler. L. 1859. P. 324.

ным в полном смысле слова – факты подбирались и выстраивались в соответствии с определенной задачей, заключающейся в том, чтобы показать постепенное движение Шотландии по пути прогресса и сближения с Англией. Сложность же для Тайтлера заключалась в том, что он, в отличие от Скотта, жил в то время, когда впервые в Шотландии стал зарождаться национализм нового толка – то движение, которое мы сегодня чаще именуем политическим национализмом. Здесь нет смысла говорить и спорить о дефинициях и истоках т.н. «политического национализма», а также о его отличиях от «культурного национализма», стоит лишь отметить, что именно 1840-е гг. были отмечены всплеском националистических настроений в Шотландии, и призывов к возвращению ей политической независимости.

Несколько факторов оказали влияние на трансформацию националистических требований. В 1843 г. произошел церковный раскол. Три возникшие шотландские церкви, стали претендовать на то, чтобы называться истинными наследницами шотландской пресвитерианской церкви, отражавшей национальные интересы и на протяжении многих лет бывшей символом шотландской идентичности. Это породило настроения пессимизма, поскольку распадался один из основных институтов формирования национального самосознания. Тенденция достигла своей высшей точки в 1853 г. с созданием Ассоциации по отстаиванию шотландских прав, которая впервые после 1707 года выдвинула политические требования. Середина века знаменует собой уже начало другого, сепаратистского национализма, пришедшего на смену юнионистскому.

Интересно, что впервые этот новый национализм заявил о себе именно в связи с «Историей» Тайтлера, когда в форме памфлета в 1846 г. был опубликован отзыв на исследование, подписанный Джоном Стиллом. Автор, один из первых «романтических» националистов, лидер Молодой Ирландии и, пожалуй, единственный в тот период столь радикально анти-юнионистски настроенный общественный деятель, рассматривал англо-шотландские отношения как постоянный прессинг со стороны южной соседки, которая «уничтожала шотландских сынов и дочерей направо и налево». В этой связи, Стилл обвиняет Тайтлера в «холодном, кровавом безразличии» к

судьбе своей Родины³⁷. Новое движение нуждалось, скорее, в политических лозунгах и действиях, ориентированных в будущее, нежели в поисках и коллекционировании прошлого.

12 мая 1851 года Британское правительство учредило Археологический музей Шотландии, который в будущем станет Национальным музеем Шотландии, существующим по сей день. В свою очередь, его основа была заложена Антикварным музеем, который начал функционировать еще в 1781 г. на пожертвования, сделавшие возможным в конце XVIII столетия выставить коллекцию вещей бронзового века из озера Даддингстон. После смерти первого хранителя этой коллекции ее судьба была крайне неопределенной, пока она не перешла в руки Дэвида Лэйнга, который, стремясь разрешить финансовые сложности, выступил с идеей придать ей форму не просто Музея общества антиквариата, а национального института. В течение следующих десяти лет шла борьба с правительством за новый статус музея, увенчавшаяся успехом лишь в 1851 г. Однако именно этот формализующий шаг означал закат шотландского антикварного движения.

Шотландская антикварная традиция в XVIII в. представляла собой форму исторического сознания, ставшую реакцией на потребность создания новой идентичности в условиях утраты политической независимости. Смыслом в ней наделялось не само прошлое, поскольку оно не соответствовало современным реалиям, а его остатки, включавшие символы, вещи, письменные памятники. Само минувшее отождествлялось с этими символами. Несмотря на то, что первые антикварии появляются в Шотландии уже в конце XVI века, на протяжении XVII столетия антикварная традиция не сформировалась в том завершенном виде, в котором она существовала, например, в Англии. Лишь в следующем столетии возникшая потребность в осмыслении прошлого, связанная с кризисом идентичности, сформированном англо-шотландской унией 1707 года, привела к ее расцвету на севере Британии. Прошлое являло себя лишь по-

³⁷ *Steill J.P.F.* Tytler called to account for his misrepresentations of the life and character of Sir William Wallace. Edinburgh, 1846. P. 3-4.

стольку, поскольку в нем нуждалось настоящее, определявшее как саму необходимость в нем, так и его форму – не история англо-шотландского противостояния, а шотландская культура.

Фактором, оказавшим определяющее влияние на формирование шотландского антикварного сознания, помимо кризиса идентичности, стало Просвещение. Наложение просветительских идей на поиски антикваров привело к зарождению в рамках антикварной традиции основ такого рационалистического подхода к историописанию, в рамках которого подбор и трактовка свидетельств прошлого осуществлялись в соответствии с просветительскими принципами и идеей прогресса, а поиск пути «от дикаря до шотландца» провозглашался главной целью познания. Одновременно основным объектом изысканий антиквариетов было то, что более всего выражает шотландскую душу, шотландский характер, обычаи и культура народа. В результате сформировалась своего рода эволюционная теория выживания культуры, и впервые была сделана попытка соединить убежденный прогрессизм эпохи Просвещения и архивные мечты романтиков.

Закат антикварной традиции в середине XIX века связан не только с интеллектуальными процессами, хотя, безусловно, сформировавшаяся профессиональная историография со временем должна была вытеснить антикварную. Решающую роль оказала динамика трансформации национального сознания. Происходит изменение в понимании нации, ее основ, на смену нации как духовной общности, объединенной единством прошлого и его символов, культуры и ее проявлений, а потому не нуждающейся в независимых политических институтах, приходит политическая нация, выдвигавшая требования политической независимости, что формирует сепаратистский национализм, в противоположность прежнему – юнионистскому. Потребность в прошлом уже не определяет нацию, а потому исчезает и необходимость в коллекционировании и популяризации его символов.